

Значение понятия «Духовная энергия» в философии Уильяма Джеймса и Анри Бергсона

М.М. Кузнецова

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация

В статье представлена попытка освещения философских взглядов Анри Бергсона и Уильяма Джеймса как двух самостоятельных и независимых учений, нацеленных на рациональное постижение духовной реальности. Оба мыслителя признают первостепенное значение сознания, необходимость постоянного духовного развития, углубления опыта, расширения восприятия, а также утверждают особую роль духовной энергии в ходе индивидуальной и общечеловеческой эволюции, что сближает их как с древними учениями Востока, так и с платонической линией в западной философии. Понятие «духовная энергия» используется рассматриваемыми философами на протяжении всего их творческого пути, что позволяет включать это понятие в анализ решения ими важнейших философских и научных вопросов, таких как отношение материи и духа, сознания и мозга, границы познания, свобода воли и др. «Радикальный прагматизм» Уильяма Джеймса и «Творческая эволюция» Анри Бергсона представлены в статье, как концепции, несущие в своей основе общие миротворческие цели и направленные на примирение веры и фактов, науки и религии через органический синтез чувственного и духовного слоев опыта. Показано, что многие философские идеи Бергсона и Джеймса являлись предтечей современных научных открытий в области физики, медицины, биологии, что уже признано мировым научным сообществом. При этом в статье нашло отражение признанное как Бергсоном, так и Джеймсом, искусственное ограничение сферы опыта в научном методе и призыв не ограничиваться привычными интеллектуальными схемами постижения действительности, а попытаться прикоснуться к «живой» реальности, что в свою очередь требует увеличения интенсивности внимания, напряжения воли, но в конечном счете приближает нас к свободе.

Ключевые слова: Уильям Джеймс, Анри Бергсон, прагматизм, философия жизни, духовная энергия, материя, сознание, свобода воли, интуиция, религия.

Мария Михайловна Кузнецова – аспирантка кафедры истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

kuznetsova.psy@gmail.com

Для цитирования: *Кузнецова М.М.* Значение понятия «Духовная энергия» в философии Уильяма Джеймса и Анри Бергсона // *Философские науки*. 2020. Т. 63. № 4. С. 115–131.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-4-115-131

The Meaning of the Concept of “Spiritual Energy” in the Philosophy of William James and Henry Bergson

M.M. Kuznetsova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the philosophy of Henri Bergson and William James as independent doctrines aimed at rational comprehension of spiritual reality. The doctrines imply the paramount importance of consciousness, the need for continuous spiritual development, the expansion of experience and perception. The study highlights the fundamental role of spiritual energy for individual and universal evolution, which likens these doctrines to the ancient Eastern teaching as well as to Platonism in Western philosophy. The term “spiritual energy” is used by Bergson and James all the way through their creative career, and therefore this concept should be considered in the examination of their solution to the most important philosophical and scientific issues, such as the relationship of matter and spirit, consciousness and brain, cognition, free will, etc. The “radical empiricism” of William James and the “creative evolution” of Henry Bergson should be viewed as conceptions that based on peacemaking goals, because they are aimed at reconciling faith and facts, science and religion through the organic synthesis of sensory and spiritual levels of experience. Although there is a number of modern scientific discoveries that were foreseen by philosophical ideas of Bergson and James, both philosophers advocate for the artificial limitation of the sphere of experimental methods in science. They call not to limit ourselves to the usual intellectual schemes of reality comprehension, but attempt to touch the

“living” reality, which presupposes an increase in the intensity of attention and will, but finally brings us closer to freedom.

Keywords: William James, Henry Bergson, pragmatism, philosophy of life, spiritual energy, matter, consciousness, free will, intuition, religion.

Maria M. Kuznetsova – postgraduate student at the Department of the History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

kuznetsova.psy@gmail.com

For citation: Kuznetsova M.M. (2020) The Meaning of the Concept of “Spiritual Energy” in the Philosophy of William James and Henry Bergson. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 4, pp. 115–131. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-4-115-131

Введение

Рубеж XIX–XX вв. ознаменован радикальным пересмотром взглядов на суть внутренней жизни человека. Особенно отчетливо проявилась в этот период проблема исторического развития и усложнения духовного мира человека, наряду с этим было осознано значение такого качества психической жизни как интенсивность. В это время также ведется активное осмысление того пласта внутренней жизни человека, который невыразим в слове, бессознателен¹. Это новое мировоззрение базировалось на том, что существует субъективность, которая ассоциируется с сознанием, но не ограничивается полем сознательного восприятия. Признается реальность некой особой формы существования, которая отличается от материальности и при этом является доступной для научного исследования, а также влияние этой области на физическую реальность и на происходящие события.

Предлагаемая работа посвящена одному из самых значимых американских представителей философии XIX в., основателю прагматизма Уильяму Джеймсу, а также его коллеге и другу, гению французской философской мысли, лауреату Нобелевской премии по литературе Анри Бергсону. На страницах своих произведений они смогли отразить происходящие в мире процессы, стержнем которых был возникший еще в прошлом веке конфликт

¹ В 1890 году вышла в свет книга У. Джеймса «Принципы психологии». В то же время выходят работы Франца Brentano «Психология с эмпирической точки зрения», «Анализ ощущений» Эрнста Маха, в 1900 году публикуется «Толкование сновидений» Зигмунда Фрейда.

между религиозным миропониманием и развивающейся наукой, наступлением эры рационализма, материализма. К концу XIX в. наука пришла к пониманию ограниченности механистической трактовки мира. А философия Джеймса и Бергсона в своих базовых ценностях и целях была направлена на примирение науки и религии, веры и фактов. К такому применению они идут не просто путем ограничения притязаний разума, что мы находим у И. Канта, а через органический синтез чувственного и духовного слоев опыта.

Анри Бергсон неоднократно упоминал о духовной близости с Уильямом Джеймсом и считал, что их мысли связывает «симпатия и своего рода “предустановленная гармония”» [Бергсон 2010б, 314]. Джеймс создавал философию, имеющую в своем устремлении миротворческие цели, а прагматизм он называл методом улаживания философских споров, призванным сблизить науку и метафизику.

«Первородным грехом нашего как житейского, так и научного мышления, – писал Джеймс, – является наша застарелая привычка рассматривать духовное начало не как правило, но как исключение в природе» [Джеймс 1911, 83]. В предисловии к сборнику «Духовная Энергия» (1919) Анри Бергсон скажет, что все проблемы психологии и философии сводятся к вопросу о духовной энергии. Все философские понятия должны указывать нам путь именно в этом направлении, считал Бергсон, в направлении постижения сверхинтеллектуальной реальности. Философия должна делать своим предметом первоначально, абсолют, который не постигается интеллектуальной рефлексией, но только лишь простым интуитивным схватыванием, что, однако, требует грандиозного интеллектуального усилия, направленного в сторону чистого акта восприятия, в сторону, противоположную практической заинтересованности интеллектуального познания.

Таким образом, в эпоху господства позитивизма и рационализма работы Джеймса и Бергсона давали новую жизнь духовному и этическому движению, призывали человека к духовному труду самосовершенствования.

Анри Бергсон о духовной энергии

В творчестве Анри Бергсона прослеживается наследие идей французского спиритуализма, восходящего к концепции Мен де Бирана и развитого далее учениями Ф. Равессона, Ж. Лашелье и Э. Бутру. Но утверждение духовного начала мира у этих мыслите-

лей всегда опиралось на осмысление данных науки – психологии, физиологии, биологии. Пытаясь понять сущностные характеристики бытия человека, своеобразие его позиции по отношению к миру, Бергсон строит свою теорию в противовес господствующему в то время рационализму и классическому позитивизму.

Именно наше восприятие, по его мнению, привносит нечто новое в мир, преобразуя действительность, а также связывает между собой «центры сил» [Бергсон 1999, 439]. Центры сил существуют в самой материи, полагал Бергсон, в отличие от Лейбница, монады которого представляли собой духовные субстанции. Все центры сил пронизаны бесчисленными динамическими взаимодействиями, которые и составляют чистое восприятие. «Его можно представить себе в виде силовых линий, проходящих через все центры сил во всех направлениях и связывающих друг с другом все предметы» [Блауберг 2010, 156]. Поэтому «восприятие существует в самих вещах» [Бергсон 1992а, 183], – заключает Бергсон. Но именно потому, что такие восприятия существуют в самих вещах, не каждое из них может быть одинаково доступно для познающего сознания: каждая лишённая сознания материальная точка «...получает и передает воздействие всех точек материального мира, тогда как нашего сознания достигают лишь некоторые его части и стороны» [Бергсон 1992а, 180]. Интенсивность проживания определяется именно уровнем духовной энергии человека, потенциалом его «подлинного Я», который влияет на то, что может стать доступным нашему восприятию в данный момент, то, насколько прозрачны уровни и широки горизонты сознания, что обеспечивает возможность видения. «Сфера нашего сознания одних размеров со сферой нашей свободы» [Штенберген 1913, 157]. Бергсон призывал к расширению видения и философов, пытающихся преодолеть кризис европейской метафизики. То, что расширение нашего восприятия возможно, показывает нам, по мнению Бергсона, искусство. Он называет художников «проявители скрытого».

Сама же материя сводится к «бесчисленным колебаниям, соединенным в непрерывной слитности и всеобщем согласовании и разбегающимся, подобно ознобу, по всем направлениям» [Бергсон 1992а, 290]. Воспринимая, мы синтезируем из них материальные тела как целостные объекты, сжимая их с помощью памяти. Наше будущее зависит от действия в той мере, в какой расширенное благодаря памяти восприятие спрессует прошлое.

Но если речь идет об уплотнении, то, естественно, появляется идея напряжения. «Между нашими чувственными восприятиями и восприятиями, находящимися в самой материи (вибрациями), существует различие только в ритме длительности – в степени напряжения» [Бергсон 1992а, 293]. Именно ослабление восприятия развертывает пространство и материальные объекты. Поэтому материя обладает ничтожно малой долей сознания и, как следствие, меньшей долей качественной (живой) энергии. Исходя из этого, итогом и главным выводом всего исследования, предпринятого Бергсоном в «Материи и памяти», становится идея об отсутствии принципиальных различий в природе духа и материи. «Мы действительно видим, что сила и материя сближаются и соединяются по мере того, как физика углубляется в изучение их проявлений. Сила материализуется, атом идеализируется; и оба понятия сходятся в общем пределе; вселенная, таким образом, вновь обретает свою непрерывность» [Бергсон 1992а, 286], – заключает Бергсон.

Итак, он приходит к выводу, что энергия, степень напряжения, которую мы интуитивно улавливаем, становится средством познания реальности, которая по Бергсону, в своей сверхинтеллектуальной форме существует в виде длительности. Дать точное определение длительности – значит ограничить эту реальность, считал Бергсон. Поэтому он призывает нас не пытаться анализировать понятие длительности, а совершить усилие и отказаться от привычной нам интеллектуальной схемы работы с действительностью и направиться в сторону «чистого акта восприятия». Попытки передать эту интуицию Бергсон продолжает, используя мощные символические образы жизненного порыва, творящей энергии, божественной любви.

О длительности Бергсон говорит с точки зрения наличия или отсутствия жизненной силы или степени напряжения, некоего особого вида энергии, который не подчиняется закону сохранения и не может быть измерен количественно. Смелая критика закона сохранения энергии [Bergson 1920, 43; Бергсон 2017, Глава III] в области духовного мира, как мы видим, уже не столь далекого от мира материи, стала выражением основных устремлений всего философствования Бергсона. Так сознание, с его точки зрения, имеет силу, которая внедряется в материю, овладевает ею и ставит ее себе на службу. Это сила, способная преодолеть энтропию и распад. Сила, которая взывает к восхождению на более высокие уровни духовной деятельности, к самосозиданию и самосовершенствованию. Она

вполне реальна: определяет потенциал и интенсивность жизни и проживания, воздействует на материю, качественно преобразуя ее, и это воздействие является необратимым.

В каждой форме человеческого тела видно усилие души, обрабатывающей материю, «души бесконечно гибкой, вечно подвижной, свободной от действия закона тяготения, потому что не земля ее притягивает» [Бергсон 1992б, 25]. Душа для Бергсона – это пламя жизни, зажженное в нас «высшим началом и видимое сквозь тело, как через нечто прозрачное» [Бергсон 1992б, 37]. Там, где материя успевает задержать движение души (противостоять совершенству), тело, поработанное автоматизмом, производит комическое впечатление. Подлинно живая жизнь не знает повторений, ведь за ними всегда стоит что-то механическое.

На страницах эстетического исследования «Смех» Бергсон показывает, как снижение духовной энергии характеризуется ослаблением общего тона психологической жизни. Согласно Бергсону, снижение тонуса – причина, обуславливающая удвоение образа реальности, приводящая к ложному узнаванию, невниманию к жизни, когда настоящее становится как будто повторением прошлого. Это связано с ослаблением синтетического усилия, с разрывом между двумя уровнями восприятия – «высшим и низшим психизмом» [Бергсон 1992а, 297]. Здоровье же, напротив, характеризуется довольно высоким уровнем энергии, что проявляется во вкусе к деятельности, способности к адаптации и реадaptации, твердости характера в сочетании с гибкостью, в пророческом умении отличать возможное от невозможного, «в духе простоты, побеждающем всякого рода сложности, наконец, в превосходном здравом смысле» [Бергсон 2010а, 182]. «Энтузиазм, – пишет Бергсон, – может воспламенить душу, поглотить то, что в ней находится. Однако никогда личность до такой степени не была сама собой: она становится более простой, целостной, сильной» [Бергсон 2010а, 202]. В унисон с Кьеркегором Бергсон называет свободу не мыслительным, а волевым актом. «Воля способна создавать энергию, количество которой не могли бы зафиксировать приборы, но все же эффект ее будет огромным, как действие искры, могущей взорвать пороховой погреб» [Бергсон 2010б, 49].

У Бергсона все уровни реальности характеризуются разницей в степени энергетического потенциала, который определяет интенсивность восприятия. В данной иерархической картине

универсума каждый уровень обладает собственным ритмом. «Только интуиции присуща способность настраиваться на тот или иной из таких ритмов, что и позволяет ей проникнуть в реальность» [Блауберг 2010, 416]. В «Материи и памяти» Бергсон уже называет свой метод сознательным возвращением к интуиции. «Интуиция – почти угасший светильник, который вспыхивает лишь на несколько мгновений» и «бросает слабый мерцающий свет, пронзающий ночную тьму, в которой оставляет нас интеллект» [Бергсон 2017, 262].

В «Творческой Эволюции», опубликованной в 1907 г., Бергсон выходит за рамки индивидуального сознания к более широкому контексту. Сама интенция творящей энергии длительности в данной работе предстает перед нами в образе жизненного порыва, несущего в себе ее духовную энергию Вселенной. Жизненный порыв (*Élan vital*) – «это сама жизнь, сжатая в самом интенсивном восприятии до одного мгновения» [Фалёв 2014, 107].

Идея существования такой энергии присутствует во всех его произведениях. Но ее первостепенная значимость наиболее полно обоснована в книге (сборнике), которая так и называется: «Духовная энергия» (1919). Здесь Бергсон говорит о важности развития науки о духе, результаты которой превзойдут все ожидания. Виталистическая биология, по его мнению, искала бы за чувственными формами живых существ внутреннюю, невидимую силу, а медицина излечила бы нехватку жизненной энергии. Бергсон снова обращается к сознанию, вмещающему в себя всю память жизни, и указывает на его обращенность в будущее. Будущее зовет нас, и это становится причиной наших действий. «Всякое действие есть вторжение в будущее» [Бергсон 2010а, 30].

Во многих своих выступлениях Бергсон старается показать, что стоит за понятием «духовная энергия». Он говорит, что дух – «это сила, стремящаяся освободиться от своих пут и превзойти саму себя, отдать вначале всё, что у нее есть, а затем и больше, чем у нее есть» [Бергсон 2010а, 40]. Это сила, способная извлекать из себя больше, чем в ней содержится. Реальность существования такой силы Бергсон показывает на примере эволюции. Он представляет ее как поток сознания, который внедряется в материю и расчищает себе путь, где-то останавливается и замирает, а где-то ему удастся продолжить движение, и эта линия эволюции приводит к человеку. Однако Бергсон не умаляет при этом и роль материи: «...она является одновременно препятствием, инструментом

и стимулом: она испытывает нашу силу, хранит ее отпечаток и побуждает к ее наращиванию» [Бергсон 2010б, 40]. Мозг же, по словам Бергсона, – это орган внимания к жизни. Он представляет собой точку внедрения духа в материю. Он обеспечивает приспособление духа к обстоятельствам и таким образом поддерживает его контакт с реальностью. «Для духа жить – это значит, по сути, сосредоточиться на действии, которое нужно совершить» [Бергсон 2010а, 63]. Поддержание контакта с реальностью – важнейшая функция мозга. Бергсон показывает, как утрата такого контакта в случае заболевания, травмы или состояний, которые мы называем упадком духа, приводит к неспособности человека быть проводником духа, неспособности совершать волевые усилия, к потере свободы, способности творить и поддерживать жизнь. Жить в грезах крайне опасно, тогда сознание словно замирает, замирает и время, и сама жизнь. Действия совершаются, но нет энергии, устремленной в будущее, и это может привести к гибели, предупреждал Бергсон. Он предостерегал от соблазна сознательного отрыва от реальности, который привел бы к очередному замиранию жизненно порыва.

Но не каждого Бергсон называет творцом в полном смысле слова. «Творцом является тот, чье энергичное действие способно придать энергию действиям других людей и зажечь, будучи само великодушным, очаги великодушия» [Бергсон 2010а, 43]. Великие творцы блага (*hommes de bien*) находятся в высшей точке эволюции, своим героизмом они прокладывают новые пути добродетели и являются предвестниками метафизической истины. Особым уровнем энергии, по мнению Бергсона, наделены христианские мистики. В этом придании особого статуса религиозному опыту французский философ находит точку соприкосновения с философией Уильяма Джеймса, своего современника, коллеги и даже, в некотором смысле (как называл Бергсон Джеймса в своих выступлениях), учителя.

Учение о духовной энергии в философии Уильяма Джеймса

Прежде всего стоит отметить, что «радикальный эмпиризм» (так Джеймс называет свое учение) строится на следующем положении: не включать в себя ни одного элемента, который не может быть дан в непосредственном опыте. Непосредственный опыт здесь – не только чувственный опыт, перцепция и все другие формы возможного опыта, но также опыт религиозный и мистический. В связи с этим эмпиризм значительно расширяет

горизонты нашего возможного опыта, не ограничиваясь только перцептивным его слоем.

Второе требование радикального эмпиризма – он не должен упускать ни одного элемента, данного непосредственно в опыте. Прагматизм требует, чтобы эмпиризм не игнорировал ни одного непосредственно данного явления опыта. Даже если один человек имел некое опытное переживание, это уже нельзя игнорировать.

В последней крупной работе Джеймса, опубликованной при его жизни, («Многообразие религиозного опыта», 1902) почти все лекции посвящены именно реальности невидимого. Здесь Джеймс говорит о невидимом порядке вещей и о необходимости гармоничного приспособления к нему нашего существа. Общение же с этим невидимым миром – процесс реальный, с реальным результатом, «отражающимся в конечной человеческой личности тем, что она обновляется коренным образом, и это возрождение человека отражается через его жизненное поведение и на событиях естественного мира» [Джеймс 1993, 405].

Сознание, по Джеймсу, есть принципиально незаконченное, становящееся единство элементов чистого опыта, пронизанного разного рода связями. Он показывает, что образование новых связей всегда сопровождается подъемом духовной энергии. Недостаток духовной энергии он характеризует так: «Наш огонь погашен» [Джеймс 1997, 332]. В ментальной сфере это проявляется в подавлении одной группы идей другими, а в поведении – снижением жизненного тонуса. Пластичность поля сознания – важное условие возможности появления новых связей между элементами. Джеймс говорит, что в переходах между элементами заключено не меньше жизни, чем в связываемых ими элементах, и, более того, в переходах жизнь заявляет о себе подчас более многозначительно. Он сравнивает переход с «живой линией огня» [Джеймс 1997, 292] посреди сухого осеннего поля. Эта «живая линия огня», новые формирующиеся связи между элементами опыта и являются главным выражением духовной энергии, уровень которой определяет качество человеческой жизни. И наибольшей силой она обладает, конечно, в момент возникновения. Это наблюдение согласуется с идеей Пирса о максимальном уровне энергии идеи в момент ее возникновения с последующим ее снижением².

² «Логический анализ применительно к ментальным феноменам показывает, что для разума существует только один закон, а именно: что идеи

К резервуарам энергии есть доступ, говорит Джеймс, показывая это на примере проявления усилия воли и открытия второго дыхания. «В обыденной ситуации возбудителем глубоких и глубочайших пластов энергии служит воля» [Джеймс 1997, 332]. Единственное успешное движение нравственной воли (например, отказ от соблазна или совершение отважного поступка) возносит человека на высший энергетический уровень. Мы знаем только то, что чувства, мысли и верования бывают то «мертвые и холодные», то «горячие и полные жизни», и когда какое-нибудь чувство наше оживает и воспламеняется, то все в душе нашей кристаллизуется вокруг него, или «иначе сказать, двигательная энергия идеи, бывшая долго потенциальной, становится теперь кинетической» [Джеймс 1993, 157]. Подъем уровня этой энергии, по мнению Джеймса, есть самое важное, что может иметь значение для человеческой жизни.

Человек чувствует себя спасенным, когда живет высшим центром своей духовной энергии – «духовным Я». Тогда «завеса мировых тайн становится прозрачной» [Джеймс 1993, 195]. Считая веру высшей ступенью познания (ощущением реальности), он связывает процесс религиозного обращения с сосредоточением духовной энергии вокруг одного центра. Тогда вера, свет божественной любви озаряют душу, делают ее способной к видению истины.

Главной характеристикой истины в прагматическом ее понимании всегда будет сопровождающее ее усиление духовной энергии. Джеймс называет выбор истинным, когда он принадлежит к разряду «живых». Любой истинный выбор всегда полезен по Джеймсу, т.к. ведет к увеличению энергии, даже если на первый взгляд кажется, что мы теряем больше, чем приобретаем в результате.

Мы можем с уверенностью сослаться на один из сборников его статей, «Meaning of truth» (1909), где он показывает, что прагматическая истина не может быть сведена к корреспондентной или когерентной трактовке, которые заключаются в соответствии знаний действительности или согласованности между собой

склонны распространяться непрерывно и влиять на определенные другие идеи, находящиеся к ним в особом отношении претерпевания воздействия (affectability). При этом распространении они утрачивают интенсивность, в особенности же – силу влияния на другие, однако приобретают обобщенность и сливаются с другими идеями» [Пирс 2000, 342–343].

знаний или явлений, хотя и включает в себя эти элементы. Сама интенсивность реальности будет знаком, подтверждающим истинность происходящего, говорит Джеймс о таком особом (прагматическом) способе познания. К истине нужно идти путем героизма. «Духовная энергия придает жизни новый уровень, который принимает форму торжественности и героизма... приносит уверенность в спасении, душевный мир и вливает силы в чувство любви» [Джеймс 2017, 382]. Обращаясь к опыту мистиков, Джеймс вводит критерий, по которому мы можем судить о наличии в нем благодати, или удостовериться, что он «не от лукавого». Это степень его жизненной плодотворности. «Истинно небесное видение дает несказанные духовные сокровища и чудотворное оживление небесных сил» [Джеймс 2017, 18], – приводит Джеймс слова св. Терезы.

Джеймс также различает моральные чувства, наполняющие нас силой, и абстрактную справедливость, которая всегда сопровождается чувством некоего разлада, а также легкомысленное настроение, которое стремится избавиться от зла, и «энергетическое», которое его просто не замечает, и лишь следует высокому идеалу. Депрессия и тревога – распространенные симптомы потери энергии. А самый простой и привычный способ растраты жизненных сил – ложь, указывал Джеймс. Построение и поддержание ложных конструкций в поле опыта требует большой затраты энергии и ничего не дает взамен. Правда же, напротив, расширяет горизонты, дает ощущение присутствия будущего и наполняет надеждой. «Малейшая тень лжи – хотя бы это было только желание произвести хорошее впечатление и расположить к себе людей, – опорочит ваши слова. Но говорите правду – и весь мир откликнется вам; корни трав под землю восстанут свидетельствовать за вас» [Джеймс 2017, 27], – приводит Джеймс слова известной речи Эмерсона в Divinity College в 1838 г.

Джеймс полагал, что жизненная сила человека состоит в умении быстро и гибко реагировать на изменение обстоятельств, сохраняя в себе одновременно твердость и гибкость характера, что напрямую связано с энергетическим потенциалом сознания. Здесь он полностью согласен с Бергсоном, который писал: «Сознание – свет, присущий зоне возможных действий» [Бергсон 2017, 154]. Так и по Джеймсу, «мы должны стараться привлечь к себе как можно больше духовной энергии и придать нашему духу такое положение, которое, как показывает опыт, наи-

более благоприятно для привлечения энергии» [Джеймс 2017, 359]. Приводя примеры, как людям удавалось изменить «весь склад духовной механики» [Джеймс 1997, 337], он пишет о том, что способствует расширению поля сознания и изменению связей, называя это способами обнаружения духовной энергии, создавая тем самым некие практические рекомендации. В частности, аскеза является мощным стимулом внутренней энергии человека по Джеймсу, так же действуют сильные аффекты (любовь, паника, страх, вера). Идеи зажигают и пробуждают новый источник энергии. Любое новшество – общественное, политическое, социальное, смена обстановки, смена привычного образа жизни тоже наполняют энергией. «Индийская система йоги, – пишет Джеймс, – самая результативная практика в выработке твердости характера, силы личности, непоколебимости духа» [Джеймс 1997, 333].

Заключение

Термин «духовная энергия» становится для Джеймса важнейшей характеристикой качества человеческой жизни, а для Бергсона главным условием эволюционного процесса. Однако, как мы видим, оба философа приходят к выводу, что и сознание, и мир в целом могут быть рассмотрены с точки зрения энергии, ее циркуляции, превращений и взаимодействий.

В современных исследованиях философии Бергсона и Джеймса мы не раз можем встретить упоминание духовной или жизненной энергии. Ее значение пока оценено больше в работах Бергсона [Stenner 2018, 149–173; Sinclair 2011]. Однако даже в современной научной литературе еще не ставился вопрос о том, что это понятие может быть связующим звеном всего его учения. А в философии Уильяма Джеймса значение особого вида энергии и вовсе теряется из виду современными учеными, что приводит к неверным трактовкам концепции прагматической истины [Simon 1998; Ортега-и-Гассет 1991, 68; Russell 1994; Moore 1907] и обвинениям в уходе от философии в сторону эзотерического течения [Мечников 1914].

В 1903 г. Бергсон прочел книгу, присланную ему самим У. Джеймсом, «Многообразие религиозного опыта», где Джеймс разработал «психологию индивидуальной души» и подчеркивал роль подсознательных процессов как средоточия духовной энергии. Бергсон отправил Джеймсу письмо, где говорил о том глубоком впечатлении, которое произвела на него книга. Осо-

бенно привлекала его трактовка мистических состояний как доказательства реального существования мистического опыта. Христианские мистики «доносят до нас импульс, идущий из глубины» [Бергсон 2010б, 190], и находятся в высшей точке эволюции. Объявляя любовь смыслом мироздания и человеческой жизни, Джеймс и Бергсон видят основное содержание процесса эволюции в поступательном возрастании любви.

Бергсон и Джеймс ставят вопрос об «истинном Я» [Джеймс 1991; Бергсон 2010а], двигаясь в направлении, имеющем свои истоки еще в философии Платона («бессмертная часть души» в диалоге «Тимей») и восходящем также к традиции Упанишад (в учении об Атмане). Это «высшее Я» выступает как центр нагнетания энергии. В трудах Бергсона и Джеймса показано, что именно в сфере этики, искусства, литературы и, конечно, религии наиболее явно действует сила притяжения, позволяющая вступать в созвучие с «высшим Я». Это особое видение мира, когда интуиция способна проникнуть сквозь инертную материю к вибрации самой жизни. «Места в литературных произведениях: загадочные врата, через которые входила в наше сердце, охватывая его трепетом, тайна жизни и вся скорбь ее» [Джеймс 2017, 301]. Все значение поэзии и музыки сводится к раскрытию этих деталей жизни. «Знание о жизни – одно; а действительная причастность к жизни, когда ее динамические токи пронизывают все наше существо, – совсем другое» [Джеймс 2017, 385].

Все, что ведет к накоплению духовной энергии, приближает нас к нашей подлинной свободе и позволяет превращать саму материю в орудие свободы. «Способность человеческой души к развитию неизмерима». «Мы не знаем всей сложности элементов, входящих в состав каждой личности, не знаем, пламя каких чувств может запалить в ней, и, не видя всех сторон многогранника, которому можно уподобить характер человека, часто не подозреваем, какие источники возвышенной жизни таятся в нем» [Джеймс 2017, 383].

«Радикальный эмпиризм» Джеймса и «Творческая эволюция» Бергсона расширяют наше понятие опыта и призывают к научному познанию того, что раньше считалось «сверхъестественным» и иррациональным. Понятие «духовной энергии» выступает у обоих мыслителей связующим звеном между гносеологическими и онтологическими категориями. Мы действительно можем отличить как живое от неживого, так и истину от лжи по степени

М.М. КУЗНЕЦОВА. Значение понятия «духовная энергия» в философии Уильяма...
интенсивности проявляющейся в них духовной энергии. Как для Джеймса, так и для Бергсона «реальность» и «истина» – термины одного порядка. А уровень духовной энергии становится важнейшим критерием познания.

Как Бергсон, так и Джеймс видели в научном методе искусственное ограничение сферы опыта и возлагали большие надежды на философию в преодолении этой ограниченности. «Наука сулит нам лишь удовольствие, – писал Бергсон, – и только философия может дать радость» [Бергсон 2019, 108]. Он считал объектом метафизики дух, а главным методом – интуицию. Анри Бергсон и Уильям Джеймс были очень близки духовно, и в самом главном были схожи их устремления – пробудить в людях забытый изначальный опыт божественного присутствия, безусловной любви и абсолютной свободы.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бергсон 1992а – *Бергсон А.* Материя и память // *Бергсон А.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. – М.: Московский клуб, 1992.

Бергсон 1992б – *Бергсон А.* Смех / предисл. и примеч. И.С. Вдовиной. – М.: Искусство, 1992.

Бергсон 1999 – *Бергсон А.* Творческая эволюция. Материя и память. – Мн.: Харвест, 1999.

Бергсон 2010а – *Бергсон А.* Два источника морали и религии / пер. с фр., послесловие, примечания А.Б. Гофмана / 2-е изд., испр. – М.: КДУ, 2010.

Бергсон 2010б – *Бергсон А.* Избранное: Сознание и жизнь / пер. с фр. И.И. Блауберг. – М.: РОССПЭН, 2010.

Бергсон 2017 – *Бергсон А.* Творческая эволюция / пер. с фр. В.А. Флеровой. – СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017.

Бергсон 2019 – *Бергсон А.* Мысль и движущееся: Статьи и выступления. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019.

Блауберг 2010 – *Блауберг И.И.* Анри Бергсон / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010.

Джеймс 1911 – *Джеймс У.* Вселенная с плюралистической точки зрения / пер. с англ. Б. Осипова и О. Румера; под ред. Г.Г. Шпета. – М.: Космос, 1911.

Джеймс 1991 – *Джеймс У.* Психология. – М.: Педагогика, 1991.

Джеймс 1993 – *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. – М.: Наука, 1993.

Джеймс 1997 – *Джеймс У.* Воля к вере / сост. Л.В. Блинников, А.П. Поляков. – М.: Республика, 1997.

Джеймс 2017 – Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы / пер. с англ. В.Г. Малахивой-Мирович, М.В. Шик; под ред. С.В. Лурье. – М.: Академический проспект, 2017.

Мечников 1914 – Мечников И.И. Сорок лет искания рационального мировоззрения / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Научное слово, 1914.

Ортега-и-Гассет 1991 – Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М. Наука, 1991.

Пирс 2000 – Пирс Ч. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000.

Фалёв 2014 – Фалёв Е.В. История философии второй половины XIX – начала XX века: Избранные главы. – М.: ИНФРА-М, 2014.

Штенберген 1913 – Штенберген А. Интуитивная философия Анри Бергсона. – СПб.: Прометей, 1913.

Bergson 1920 – Bergson H. Mind-Energy: Lectures and Essays. – London: McMillan and Co., 1920.

Moore 1907 – Moore G.E. Professor James' "Pragmatism" // Proceedings of the Aristotelian Society. 1907. Vol. 8. P. 33–77.

Russell 1994 – Russell B. William James's Conception of Truth // Russell B. Philosophical Essays. – London; New York: Routledge, 1994. P. 112–130.

Simon 1998 – Simon L. Genuine Reality: A Life of William James. – New York: Harcourt, Brace and Co., 1998.

Sinclair 2011 – Sinclair M. Is Habit the "Fossilised Residue of a Spiritual Activity"? Ravaisson, Bergson, Merleau-Ponty // Journal of the British Society for Phenomenology. 2011. Vol. 42. No. 1. P. 33–52.

Stenner 2018 – Stenner, P. The Risky Truth of Fabulation: Deleuze, Bergson and Durkheim on the Becomings of Religion and Art // Annual Review of Critical Psychology. 2018. Vol. 14. P. 149–173.

REFERENCES

Bergson H. (1920) *Mind-Energy: Lectures and Essays*. London: McMillan and Co.

Bergson H. (1992a) Matter and Memory. In: Bergson H. *Collected Works* (Vol. 1). Moscow: Moscovskiy klub (Russian translation).

Bergson H. (1992b) *Laughter*. Moscow: Iskusstvo (Russian translation).

Bergson H. (1999) *Creative Evolution. Matter and Memory*. Minsk: Harvest (Russian translation).

Bergson H. (2010a) *Two Sources of Morality and Religion*. Moscow: KDU (Russian translation).

Bergson H. (2010b) *Selected Works: Consciousness and Life*. Moscow: ROSSPEN (Russian translation).

Bergson H. (2017) *Creative Evolution* (V.A. Falev, Trans.). Saint Petersburg: Azbuka (Russian translation).

Bergson H. (2019) *Thought and Movable: Articles and Speeches*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (Russian translation).

Blauberger I.I. (2010) *Henri Bergson*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Falev E.V. (2014) *The History of Philosophy of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Selected Chapters*. Moscow: INFRA-M (in Russian).

James W. (1911) *A Pluralistic Universe*. Moscow: Kosmos (Russian translation).

James W. (1991) *Psychology*. Moscow: Pedagogika (Russian translation).

James W. (1993) *The Varieties of Religious Experience*. Moscow: Nauka (Russian translation).

James W. (1997) *The Will to Believe*. Moscow: Respublika (Russian translation).

James W. (2017) *The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*. Moscow: Akademichesky proekt (Russian translation).

Mechnikov I.I. (1914) *40 Years of Quest for Rational Worldview* (2nd ed.). Moscow: Nauchnoye slovo (in Russian).

Moore G.E. (1907) Professor James' "Pragmatism". *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 8, pp. 33–77.

Ortega y Gasset J. (1991) *What is Philosophy?* Moscow: Nauka (Russian Translation).

Peirce C. (2000) *Selected Philosophical Works*. Moscow: Logos (Russian Translation).

Russell B. (1994) William James's Conception of Truth. In: Russell B. *Philosophical Essays* (pp. 112–130). London: Routledge.

Russell B. (2001) *A History of Western Philosophy*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (Russian Translation).

Simon L. (1998) *Genuine Reality: A Life of William James*. New York: Harcourt, Brace and Co.

Sinclair M. (2011) Is Habit "The Fossilised Residue of a Spiritual Activity"? Ravaisson, Bergson, Merleau-Ponty. *Journal of the British Society for Phenomenology*. Vol. 42, no. 1, pp. 33–52.

Stenbergen A. (1913) *Henri Bergson's Intuitive Philosophy*. St. Petersburg: Prometey (in Russian).

Stenner P. (2018) The Risky Truth of Fabulation: Deleuze, Bergson and Durkheim on the Becomings of Religion and Art. *Annual Review of Critical Psychology*. Vol. 14, pp. 149–173.